

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 39+294.321

О статуэтке из Национального музея Республики Татарстан

Эльза Петровна Бакаева¹, Наталья Владимировна Фомина²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

² Национальный музей Республики Татарстан (д. 2, ул. Кремлевская, 420111 Казань, Российская Федерация)

заведующий отделом

 0000-0001-9199-9494. E-mail: natalya.fomina@tatmuseum.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Бакаева Э. П., Фомина Н. В., 2022

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу одного из экспонатов коллекции буддийских предметов из фондов Национального музея Республики Татарстан. Буддийское искусство канонично, поэтому имеются определенные сложности в определении принадлежности образцов произведений к разным региональным школам. *Цель* статьи — провести сопоставительный анализ буддийской статуэтки с другими буддийскими изображениями из фондов Национального музея Республики Татарстан и предложить атрибуцию этого уникального экспоната. *Результаты.* Анализ показал, что скульптура (инв. № КП-10367/9) из фондов музея изображает монгольского ламу. Значимым атрибутом в этой статуэтке является головной убор ламы, характерный для халхаских Джебцун-Дамба-хутухт. Сопоставительный анализ свидетельствует о том, что статуэтка является изображением Богдо-гэгэна. Имеются основания сделать вывод, что она является ранним портретным изображением VIII Богдо-гэгэна — халхаского Джебцун-Дамба-хутухты.

Ключевые слова: буддизм, скульптура, Монголия, Богдо-гэгэн

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Авторы выражают благодарность Б. Л. Митруеву за консультацию.

Для цитирования: Бакаева Э. П., Фомина Н. В. О статуэтке из Национального музея Республики Татарстан // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 4. С. 698–720. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-698-720

One Statuette from the National Museum of Tatarstan Analyzed

Elza P. Bakaeva¹, Natalya V. Fomina²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate
 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

² National Museum of the Republic of Tatarstan (2, Kremlyovskaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)
Head of Department
 0000-0001-9199-9494. E-mail: natalya.fomina@tatmuseum.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Bakaeva E. P., Fomina N. V., 2022

Abstract. *Introduction.* The article deals with an item contained in the Buddhist Collection of Tatarstan's National Museum. Buddhist art is essentially canonical, which sets forth some difficulties to be faced when it comes to refer certain pieces to different regional schools. *Goals.* The paper attempts a comparative analysis of the Buddhist statuette from the National Museum of Tatarstan and suggests an attribution of the unique item. *Results.* The analysis shows the figurine (inv. no. КП-10367/9) depicts a Mongolian Lama. It is headdress that proves a most significant element since the former is characteristic of Jebtsundamba Khutuktus of Khalkha. So, our further insights do attest to the statuette depicts a Bodg Gegeen of Mongolia. And there is reason to presume this is an early sculptural portrait of the 8th Bodg Gegeen — Jebtsundamba Khutuktu of Khalkha.

Keywords: Buddhism, sculpture, Mongolia, Bodg Gegeen

Acknowledgments. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist ('From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews'). We express gratitude to B. Mitruiev for his advisory assistance.

For citation: Bakaeva E. P., Fomina N. V. One Statuette from the National Museum of Tatarstan Analyzed. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(4): 698–720. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-698-720

Введение

После восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. и возвращения калмыцкого народа из ссылки (1943–1957 гг.) проводилась огромная работа по возрождению республики. Калмыцкий республиканский краеведческий музей им. Н. Н. Пальмова (ныне — Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова) был создан заново, и в формирование его коллекций внесли большой вклад музеи страны, в числе которых Саратовский (ныне — Саратовский областной музей краеведения), Астраханский (ныне — Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник), Ставропольский (ныне — Ставропольский государственный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве) и Казанский (ныне — Национальный музей Республики Татарстан) краеведческие музеи. Так, Астраханский краеведче-

ский музей передал в основном музейные экспонаты религиозного характера. Коллекция предметов быта и калмыцкой национальной одежды поступила из краеведческого музея Татарской АССР [[Национальный музей](#)].

Этот факт обусловил несомненный интерес исследователей к хранилищам музеев, в которых в силу исторических условий в разные периоды сформировались коллекции экспонатов, связанных с историей и культурой калмыцкого народа.

В 2021 г. научные сотрудники Калмыцкого научного центра РАН провели совместно с сотрудниками Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника работу по выявлению¹ и описанию коллекции «калмыцких» предметов, по результатам которой проводятся их исследования [[Каруева, Куканова 2022](#); [Каруева 2022](#); и др.]. В 2022 г. сотрудники Калмыцкого научного центра РАН продолжили работу по выявлению предметов, которые связаны с историей и культурой калмыцкого народа, в музеях г. Казани. Большой интерес представляли для научных сотрудников коллекции Национального музея Республики Татарстан (с 1921 г. — Центральный музей Татарской АССР, с 1944 до 1981 гг. — Государственный музей Татарской АССР), из фондов которого в конце 1950-х гг. в Калмыцкий республиканский краеведческий музей была передана замечательная этнографическая коллекция предметов быта калмыков и где, как предполагалось, должны находиться предметы, связанные с историей и культурой калмыков.

В совместной работе научных сотрудников Национального музея Республики Татарстан и Калмыцкого научного центра РАН был выявлен ряд предметов музейного хранения, большинство из которых относятся к «буддийской» коллекции.

Известно, что работа по атрибуции предметов буддийского искусства весьма сложна в силу его каноничности и особенностей сложной иконографии. В связи с этим в работе исследователей и в целом в практике ценителей буддийского искусства востребованы специальные издания, целью которых является определение изображений по набору признаков. К таким работам, к примеру, относится «Определитель буддийских изображений», подготовленный известным российским буддологом и тибетологом А. А. Терентьевым [[Терентьев 2003](#); [Терентьев 2004](#)] и основанный на более ранних работах этого же автора [[Терентьев 1981](#); [Терентьев, Гороява 1987](#)].

Произведения искусства тибетского буддизма создавались в соответствии с иконографическим каноном, и потому выявление их принадлежности к определенной национальной школе весьма сложно. Тем не менее в работах ученых выявлены определенные черты, которые характерны для традиций разных буддийских народов России (см., например: [[Батырева 2005](#); [Неманова 2004](#)]). В этой связи для проведения атрибуции предметов «буддийской» коллекции из Национального музея Республики Татарстан необходима дополнительная исследовательская работа.

Коллекция предметов буддийского искусства, отложившаяся в фондах музея Казани, при создании в 1958 г. Государственного Музея изобразительных

¹ В ряде случаев потребовалось проведение атрибуции музейных предметов.

искусств на базе картинной галереи Государственного музея Татарской АССР была разделена: часть экспонатов передали в фонды нового музея, другая часть осталась в госмузее. Большая часть предметов буддийского искусства, ныне хранящаяся в Национальном музее Республики Татарстан, представлена небольшими живописными изображениями цакли, которые использовались при проведении буддийских обрядов, и глиняными изображениями типа мирдэ. История «буддийской» коллекции этих музеев связана с коллекцией, переданной из музея Казанской духовной академии Всероссийской коллегией по делам музеев в 1919 г. в Казанский городской музей [Вербина 2013: 130]. Собиралась эта коллекция в Историко-этнографическом музее при библиотеке Казанской духовной академии.

Материалы, которые были собраны в фондах этого миссионерского историко-этнографического музея, «использовались в учебно-образовательной и исследовательской деятельности студентов, преподавателей и научной деятельности миссионерского отделения академии» [Валеев, Хабибуллин и др. 2018: 97]. Буддийские изображения использовались «как иконографический материал, как учебное пособие для инородческих отделений Казанской духовной академии» [Вербина 2013: 130].

В этой коллекции имеются и предметы, собранные в Калмыцкой степи Астраханской губернии, о чем имеются записи (например, молитвенный флаг № 10366/165). Исследователи приводят конкретные факты: «В 1916 г. практикант калмыцкого языка при духовной академии А. П. Межуев передал музею 3 вещи калмыцкого обихода из Ставропольской губернии: „1. Круг от подушки, имевшей вид цилиндра (размер круга 19,75 см в диаметре); 2. Бок тюфяка, обращенный, как и круг подушки, к публике (размер бока: длины 45 см, ширины 18 см), с подвесками и 3. Бумажный круг с тибетской молитвой“». Слушателем миссионерских курсов Е. Ф. Никитиным в каникулярное время было собрано 6 калмыцких вещей: нагрудное женское украшение из кораллов, женское шелковое головное украшение „шиварлик“, богослужебные трубы с изображениями драконов и с китайскими буквами внутри; серебряные серьги и 2 халата...» [Лобачева, Хабибуллин 2012: 35]; архиепископ Гурий (А. И. Степанов, 1880–1938) пожертвовал ценные коллекции буддийских, монгольских, калмыцких и бурятских изображений божеств и других предметов домашнего быта этих народов [Валеев, Хабибуллин и др. 2018: 98].

В Казанской духовной академии обучались будущие миссионеры, которые изучали язык и культуру народов, среди которых им предстояло работать, и обучавшиеся на «противобуддийском» факультете направлялись и в Бурятию, и в Калмыкию. Поэтому комплектование коллекции происходило при участии и преподавателей, и учащихся академии, передававших собранные ими предметы руководству учебного духовного заведения (см., например: [Баянова, Сибгатуллина 2020]).

Среди буддийской коллекции музея исследовательский интерес вызвала статуэтка, изображающая буддийского ламу, аналог которой нам ранее не встречался.

Цель статьи — дать анализ буддийской статуэтки и предложить ее атрибуцию.

Описание статуэтки из Национального музея Республики Татарстан

Рис. 1. Скульптура из Национального музея Республики Татарстан, инв. № КП-10367/9. Вид спереди

[*Fig. 1.* Statuette from the National Museum of Tatarstan, inv. no. КП-10367/9. Front view]

Статуэтка представляет собой изображение буддийского монаха, восседающего в монашеской позе с прикрытыми ногами (гуптасана) на двух сиденьях-олбоках, которые являются подиумом скульптурной композиции. Эта нижняя часть скульптуры имеет небольшое прямоугольное отверстие, закрытое вырезанным куском днища и заклеенное плотной бумагой, что свидетельствует о проведении обряда освящения скульптуры, предполагающего вложение в ее полость текстов с буддийскими молитвами.

На дне подиума имеются надписи: «296 ХЭ» (перечеркнутая), «ЭО КЦМ», «4058», «ГМТР 10367/9». Очевидно, что эти номера отражают историю коллекции, которая связана с этнографическим отделом Казанского центрального музея (КЦМ), Государственным музеем Татарской республики (ГМТР) и начиналась с художественно-этнографического отдела (ХЭ).

Согласно описям Национального музея Республики Татарстан, статуэтка под номером ЭО-КЦМ 296/9 хранилась в этнографическом отделе Казанского центрального музея. В «Описи этнографических коллекций. Китай» (т. 2, л. 209) имеется следующая запись: «Коллекция 296, КП-10367 „Коллекция религиозных статуэток из терракота¹ и дерева, собранная Н. Ф. Катановым и переданная Центральному музею из Музея Казанской Духовной Академии в 1919 г.“». Под номером 296/9 в описи написано: «Статуэтка из терракота, изображающая сидя-

¹ Орфография источника сохранена.

щую с поджатыми ногами фигуру мужчины. Ноги закрыты складками одежды, подставка низкая, четырехугольная. На спине мантия вся в мелких складках. На голове шапка с четырьмя фестонами с конической верхушкой. Правая рука сложена для благословения, на левой руки ладони лежит четырехугольный предмет». Даты записи в описи нет, она относится к 1920-м гг., то есть ко времени, когда музей получил новое название — Центральный музей Татарской республики, и в нем проводилась большая организационная работа.

Таким образом, в указанной описи упоминается коллекция 296, КП 10367, к которой отнесена анализируемая скульптура, и ее номер: 296/9. Поскольку на дне статуэтки номер 296 перечеркнут, то ясно, что новым номером коллекции стал КП 10367.

Интерес вызывает третий номер, записанный на дне статуэтки. Этот номер 4058 соответствует старой Книге поступлений (т. 2, л. 103) Центрального музея Татарской АССР 1936 года. Но описание в ней полностью взято из вышеприведенного описания экспоната под номером 296/9 в «Описи этнографических коллекций. Китай» (т. 2, л. 209). В этой книге поступлений также отмечается, что материал скульптуры — терракота, и что она поступила в 1919 г. из музея Казанской духовной академии.

В действующей в настоящее время Книге поступлений (т. 3, л. 48) под номером 10367 записано: «„Коллекция религиозных статуэток из терракоты и дерева, собранная Катановым“. Поступила в музей в 1919 г. от Коллегии по охране памятников старины от Казанской духовной академии».

Все предметы, поступившие в 1919 г. из миссионерского историко-этнографического музея Казанской духовной академии, в учетных документах того периода записаны как коллекция Н. Ф. Катанова, который был известен своей деятельностью, в том числе и собирательской. Н. Ф. Катанов был директором музея Казанской духовной академии, он проводил активную деятельность по формированию коллекции музея и затем осуществлял передачу коллекции в Казанский городской музей, и потому имя его осталось зафиксированным в названии коллекции.

Однако известно, что коллекция музея духовной академии не была собрана одним человеком. Она создавалась на базе ранее существовавших коллекций вспомогательных подразделений академии, затем Н. Ф. Катанов устанавливал контакты с разными лицами, передававшими предметы в музей: «В „Журнале входящих бумаг директора историко-этнографического музея при КДА Н. Ф. Катанова“ названо 58 лиц и учреждений, передававших предметы в дар музею ... Среди них иерархи, священники, миссионеры, преподаватели, коллекционеры, краеведы, меценаты, преподаватели и студенты Казанской академии, сотрудники других музеев, а также мастерские, выпускавшие предметы народного потребления и изделия художественных промыслов» [Лобачева, Хабибуллин 2012: 33]; в организации музея принимали участие студенты, пожертвования вносили преподаватели академии, отдельным источником формирования были специальные экспедиции учащихся академии [Лобачева, Хабибуллин 2012: 33];

Обратим внимание на название описи, в которой зафиксированы сведения об анализируемой статуэтке — «Опись этнографических коллекций. Китай». Хотя она составлена в 1920-х гг., но опись сохранила сведения о поступлении

экспонатов, поэтому свидетельствует о том, что предметы, включенные в нее, были привезены с территории Китая.

Известно, что территория Монголии входила в состав цинского Китая до 1911 г., когда князья и духовенство объявили о независимости страны. Таким образом, название описи свидетельствует о том, что монгольские предметы этой коллекции поступили до 1911 г. При этом необходимо учитывать, что Историко-этнографический музей Казанской духовной академии был организован «в 1912 г. при фундаментальной библиотеке академии. А официально музей был открыт в 1913 г. в соответствии с указом Св. Синода от 9 января 1913 г. ... Его создали на базе собрания предметов этнографии, археологии, палеонтологии и нумизматики. Данные коллекции оказались в библиотеке, став частью ее фонда после расформирования мюнц-кабинета, кабинета редкостей и кабинета натуральной истории, функционировавших в Казанской духовной академии в 1848–1870 гг. в качестве учебно-вспомогательных подразделений. С 1913 г. музей являлся учебно-вспомогательным учреждением для студентов миссионерского отделения академии, с 1915 г. – дополнительно для слушателей миссионерских курсов при Спасо-Преображенском монастыре г. Казани» [Лобачева, Хабибуллин 2012: 33]. Таким образом, предметы коллекции могли поступить в собрание Казанской духовной академии намного ранее, во второй половине XIX в.

Коллекция 296 (КП-10367) включает статуэтки из терракоты и дерева. В описях 1920-х гг. и 1936 г. указано, что материал статуэтки — терракота. Действительно, большая часть этой коллекции — терракотовые статуэтки.

Однако анализируемая статуэтка № 10367/9 выполнена из другого материала. Видимо, в опись 1920-х гг. вкралась ошибка, которая была продублирована в описи 1936 г.

Скульптура выполнена из дерева, а подиум и изображение книги в форме потхи — из папье-маше. То, что эти элементы изготовлены из папье-маше, подтверждает нижняя часть подиума, с потертостями от времени, местами имеющая следы обнажившейся бумаги, и небольшой надрыв, оголивший бумагу на изображении книги. На самой фигуре крупных утрат материала нет, но на изображении в области подбородка имеется скол верхнего красочного слоя.

Изображенный монах очень молод, почти ребенок, фигура его худощава, грациозна. Лицо неширокое, нос длинный, лоб высокий, крупные, чуть торчащие уши имеют большие мочки.

Монах изображен в торжественном, весьма широком одеянии: на нем ламский халат с запахом направо и широкополый плащ-мантия. Одеяние раскрашено, основной тон — золотой, верхняя часть — темного цвета, на плечах накидка имеет отделку, словно изображающую отстрочку красной ткани узкими полосками, создающими рисунок в виде прямоугольников.

Мантия ламы очень широкая, уложена красивыми складками (со стороны спины ткань как бы уложена в 17 складок, отливающих золотом).

Основными акцентами в статуэтке являются широкополое одеяние, которое создает эффект богатой драпировки в мантии монаха, положение рук, а также большая шапка, привлекающая внимание необычностью.

Рис. 2. Скульптура из Национального музея Республики Татарстан, инв. № КП-10367/9. Вид сбоку

[*Fig. 2.* Statuette from the National Museum of Tatarstan, inv. no. КП-10367/9. Side view]

Рис. 3. Скульптура из Национального музея Республики Татарстан, инв. № КП-10367/9. Вид сзади

[*Fig. 3.* Statuette from the National Museum of Tatarstan, inv. no. КП-10367/9. Back view]

Широкополое одеяние типа мантии имеет сходство с буддийским предметом — плащом-мантией «дагам». Гега-лама пишет о происхождении такой мантии следующее: «Накидка на рисунке 3 датируется временем Дже Ринпоче (Цонкапы, XIV–XV вв.), которому, когда он был молодым, его учитель подарил нижнюю юбку. Считая неприличным носить такой подарок на нижней части тела, он носил ее вокруг его верхней части тела с дополнительной бахромой, прикрепленной, чтобы покрыть всю длину его тела. Эта одежда позже превратилась в „са~“ (zla.gam), ее традиционно носят все монахи» [Gega Lama 1983б: 111].

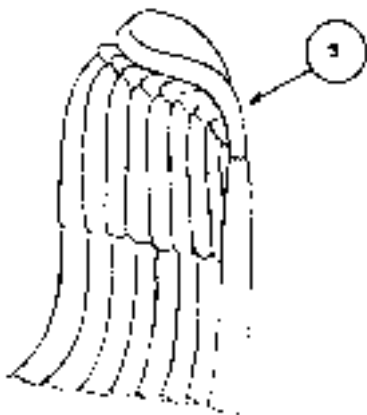

Рис. 4. Монашеский плащ-мантия «дагам». Из: [Gega Lama 1983б: 111]
[Fig. 4. Dagam (Tib. zla gam) Buddhist monastic gown]

Для атрибуции буддийских изображений большое значение имеет положение рук. В анализируемой статуэтке у монаха правая рука сложена в жесте проповеди — санскр. vyakhyanamudra, vitarka, upadeca, dharmadecanamudra; тиб. chos 'chad [Терентьев 2003: 27].

В левой руке монах держит буддийскую книгу (санскр. pustaka; тиб. potī, glegsbam; изображение которой соответствует типу 152С [см.:Терентьев 2003: 83]).

Согласно данным, собранным в «Определителе буддийских изображений» А. А. Терентьевым, «головные уборы, используемые в иконографии северного буддизма, можно условно разделить на две группы <...> головные уборы „высших“ существ — будд, идамов, различных божеств. Их иконография имеет ряд отличий от иконографии другой группы персонажей — деятелей буддийской церкви, лам, йогингов <...>. Лишь в исключительных случаях наиболее выдающиеся буддийские деятели, такие, например, как Нагарджуна или Падмасамбхава, могут изображаться с головными уборами первой группы» [Терентьев 2003: 7].

Головной убор, подобный изображенному на скульптуре монаха из Национального музея Республики Татарстан, в указанном определителе не приводится [Терентьев 2003; Терентьев 2004], отсутствует подобный тип и в материалах, опубликованных Гега-ламой [Gega Lama 1983б: 118–141].

Подобный головной убор является характерным для монгольской культуры, он относится к типу «дөрвөн талт малгай» — головного убора с четырьмя лопа-

стями типа отворотов [Мазарчук 2017: 95]. Такие лопасти могли быть обшиты темным бархатом, тогда головной убор назывался *хилэн малгай* ‘букв. бархатная шапка’. В зимнем варианте такого головного убора лопасти обшивали ценным мехом. Так, национальный головной убор халха-монголов, называемый *тоорцог*, имеет сходство с головным убором на ламе, изображенном в анализируемой статуэтке. Основное отличие состоит в высоте основной части головного убора и в том, что верх шапки мирян украшался обычно узелком.

Как отмечает А. В. Мазарчук, в Монголии «особый вид имеют головные уборы буддийских священнослужителей — лам. Изначально пришедшие из Тибета, ламские головные уборы были приспособлены к условиям монгольской жизни и в результате стали выглядеть как нечто среднее между тибетской и монгольской шапкой. Ламские шапки в Монголии подразделяются на несколько видов: простые (ердийн малгай), для богослужений (номын малгай), для высшего духовенства (ямбаны малгай), для проведения религиозных ритуалов (шашны зан үйлийн малгай). В обычное время монгольские ламы носят остроконечный головной убор — халх. шовгор малгай (досл. ‘конусообразная шапка’), большую ламскую шапку шанам малгай (ལྷ་སྒྲུབ་ zhwa snam ‘красный или желтый войлок, из которого делают головные уборы лам’), отороченный бархатом хилэн малгай и головной убор с козырьком саравчит малгай. Во время богослужения надевают шашир (шасир) малгай (ལྷ་སེར་ zhwa ser ‘желтая шапка’) — высокую конусообразную мохнатую шапку. Разные виды головных уборов для высшего духовенства (ямбаны малгай) отличают по орнаменту и материалу, из которого они изготовлены. Священнослужители, занимающие высокие посты в монастырях и храмах, по особым случаям надевают „золотую шапку“ алтан малгай или шелковый овоодой ‘конусообразный головной убор желтого цвета’ ... с длинными лентами бүч. Во время молебна ... ламы надевают конусообразный головной убор гомшоо (тиб. སྒོམ་ལྷ་ sgom zhwa ‘головной убор для медитации’) из желтого шелка, с длинными лентами бүч и с „ушами“. „Золотая шапка“ алтан малгай, или цан малгай, предназначена для самых уважаемых духовных лиц. Ее надевали хутухты, хубилганы и другие обладатели высших духовных степеней. Головной убор овоодой, по преданию, изобрел сам Ундургеген Занабадзар. Он приспособил головной убор буддийских священнослужителей шовгор малгай к монгольским реалиям и приделал к нему ленты бүч, указывающие на сан священнослужителя» [Мазарчук 2017: 96–97].

Головной убор на анализируемой статуэтке имеет высокую тулью, сверху украшенную четырехчастной декоративной накладкой, на которой, видимо, крепилось уже утраченное украшение. Основная часть головного убора, не имеющего полей, выполнена в виде четырех лопастей.

Изображение головного убора на статуэтке не относится описанным выше к ламским головным уборам, а близко народной традиции халха-монголов. Это позволяет предположить, что скульптура является изображением Богдо-гэгэна — буддийского ламы из наиболее известной и почитаемой линии перерожденцев в Монголии — Джебцзун-Дамба-хутухт. Такая меховая монгольская шапка упоминается при описании других изображений Богдо-гэгэна. Так, С.-Х. Сыртыпова приводит сведения об опубликованных изображениях Богдо-гэгэна I, упоминая как отличительную деталь «шапку Богдо-гэгэна» [Сыртыпова 2020:

1048] и публикует фото танка Дзанабадзара из частной коллекции [Сыртыпова 2020: 1049], описывая головной убор следующим образом: «На голове у него монгольская шапочка с черной меховой оторочкой и ваджрой над золотой тульей. В таком головном уборе изображался Абатай-хан (1534–1586), прадед Дзанабазара, бывший правителем центральной части Халха Монголии, который основал преемственность Тушээту-ханов и построил старейший монгольский буддийский монастырь Эрдэнэдзу» [Сыртыпова 2020: 1053]. Ю. И. Елихина в обзоре изображений Богдо-гэгэнов из Государственного Эрмитажа пишет: «Образов восьмого Богдо-гэгэна, Агван Лубсан Чокьи Нима Тензин Ванчун (1869–1924), в коллекции два: на первом он восседает на троне, в монгольской меховой шапке, в левой руке он держит книгу, правая — расположена в жесте поучения. Второй образ представляет его с миниатюрной собачкой на руках» [Елихина 2019: 11].

В связи с вышеизложенным рассмотрим другие изображения Богдо-гэгэнов из Национального музея Республики Татарстан. Они относятся к коллекции живописных буддийских изображений под номером КП-10366 (старый шифр 295), также происходящей из фондов миссионерского историко-этнографического музея, сформированных под руководством Н. Ф. Катанова.

Изображения Богдо-гэгэнов из коллекции Национального музея Республики Татарстан

Особый интерес в коллекции Национального музея Республики Татарстан вызывают экспонаты, на которых изображены Богдо-гэгэны. Всего в совместной работе сотрудников Калмыцкого научного центра РАН и Национального музея Республики Татарстан были выявлены три живописные изображения Богдо-гэгэнов.

На небольшом живописном изображении (тиб. «цакли») с инвентарным номером КП-10366/30 (размер 9,0х6,9 см) — восседающий на троне Богдо-гэгэн IV. В обеих его руках — ваджры.

Богдо-гэгэн IV изображен восседающим на ламском троне на сиденьях-олбоках.

Атрибуция этого изображения стала возможной благодаря наличию на обороте цакли двух надписей, которые расположены: одна — вертикально, вторая — построчно.

Вертикальная надпись красной краской содержит тибетскую мантру очищающего действия: *Om āh hum svaha*. Она разделяет холст на две части, в которых построчно выполнена надпись (также красной краской) — это именная мантра ламы, записанная на санскрите тибетскими буквами: *Om āh vajradhara sumati muni-śāsana śvara abhya samudra siddi hum hum*.

Благодаря консультации тибетолога и буддолога Б. Л. Митруева удалось выяснить, что, поскольку «каждый элемент тибетского имени традиционно имеет санскритский эквивалент, переводом которого он является» [Митруев 2021], эта именная мантра содержит имя ламы. Б. Л. Митруев на основании именной мантры атрибутировал изображение на цакли №10366/30 как изображение Богдо-гэгэна IV Лобсан Тубдэн Ванчук Джигме Гьяцо (тиб. *blo bzang thub bstan dbang phyug 'jigs med rgya mtsho*, на монгольском языке — *Лувсантүвдэнванчүгжигмэджамц*).

Рис. 5. Цакли из коллекции Национального музея Республики Татарстан (инв. № КП-10366/30). Богдо-гэгэн IV. Холст, минеральные краски, позолота
[Fig. 5. Tsakli (Tib. *tsa ka li*) picture from the National Museum of Tatarstan, inv. no. КП-10366/30. 4th Bogd Gegeen. Canvas, mineral colors, gilding]

Рис. 6. Надпись на обороте цакли инв. № КП-10366/30
[Fig. 6. The inscription on the back of the tsakli (Tib. *tsa ka li*) picture, inv. no. КП-10366/30]

Второй экспонат из фондов Национального музея Республики Татарстан, на котором присутствуют изображения уже семи Богдо-гэгэнов, хранится под инвентарным номером КП-10366/163. Это раскрашенное ксилографическое изображение (размер 34,3x22,7 см). На обороте предмета сохранился старый шифр «ЭО 295/163/3941. ГМРТ 10366/163», свидетельствующий о том, что коллекция № 10366 ранее имела номер 295.

Композиция ксилографического оттиска включает семерых высокопоставленных лам, один из которых восседает в центре на троне, фигуры остальных расположены справа и слева по три друг над другом. Перед тронном изображена чаша с подношениями. Между фигурами — условные линии, которые схематично изображают пейзаж (горы, воды), в верхней части — небесные облака.

Красочная палитра включает несколько цветов: ламские одеяния желтого и красного цветов, головные уборы — желтые остроконечные шапки монахов школы гелуг или особые шапки черного и желтого цвета. Линии, очерчивающие «пейзаж», раскрашены синим или желтым цветом.

В центре раскрашенного ксилографического изображения Дзанабадзар — первый из ургинских хутухт, являющихся перерожденцами линии Джебцзун-Дамба-хутухт и называемых в Монголии Богдо-гэгэнами. Об этом свидетельствует надпись, которую художник поместил перед центральной фигурой, на изображении чаши с подношениями, где написан тибетскими буквами порядковый номер — первый, а также имя ламы на тибетском: blo bzang bstan pa'i rgyal mtshan (монг. *Лувсандамбийжалцан*).

Лувсандамбийжалцан, более известный как Дзанабадзар, — первый из линии монгольских перерожденцев Джебцзун-Дамба-хутухт, восходящей, согласно буддийской традиции, к ученику Будды Ананде. Дзанабадзар (1635–1723), признанный Далай-ламой V перерождением Таранатхи (1575–1634), возглавивший сангху Северной Монголии в XVII в., принадлежал к аристократическому монгольскому клану Тушэту-ханов, прославился как выдающийся скульптор, основатель портретной живописи, письма соёмбо [Кузьмин 2016: 44–46] (см. также: [Позднеев 1880; Цултэм 1982; Батсайхан 2018; Батсайхан 2019; Институт Богдо-гэгэна 2019; Кузьмин 2019; и др.]).

Вокруг первого Богдо-гэгэна изображены буддийские монахи, которые были признаны его перерожденцами: от второго до седьмого.

В левой части танка по вертикали сверху вниз изображены друг за другом второй, седьмой и шестой Богдо-гэгэны. В правой части находятся изображения (также сверху вниз) третьего, четвертого и пятого Богдо-гэгэнов. Таким образом, можно реконструировать замысел художника, создававшего танка: изображения Богдо-гэгэнов иллюстрируют круг перерождения: от центрального персонажа, изображенного в центре, линия перерождения идет к левому верхнему углу, где изображен второй Богдо-гэгэн, и далее все остальные фигуры Богдо-гэгэнов от третьего до седьмого расположены последовательно по кругу.

Идентификацию изображений шести перерожденцев первого Богдо-гэгэна можно провести благодаря надписям под фигурами лам, в которых содержится порядковый номер перерожденца (записанный тибетскими буквами) и его имя (которое дано в сокращенном, а не в полном варианте).

Рис. 7. Танка «Богдо-гэгэны». Раскрашенное ксилографическое изображение. (Национальный музей Республики Татарстан. Инв. № КП-10366/163)

[Fig. 7. Thangka 'Bogd Gegeens' from the National Museum of Tatarstan, inv. no. КП-10366/163. Colored xylograph]

Так, второй Богдо-гэгэн Лубсан Дамба Донми (тиб. blo bzang bstan pa'i sgron me, монгольский вариант имени — *Лувсандамбийдонмэ*¹) назван на танка bstan p'ai sgron me (монг. *Дамбийдонмэ*).

Третий Богдо-гэгэн Еше Дамба Нима (тиб. ye shes bstan pa'i nyi ma, монгольский вариант имени — *Ишдамбийням*)²] назван кратко: bstan p'ai nyi ma (монг. *Дамбийням*).

Четвертый Богдо-гэгэн Лобсанг Тубтен Ванчук Джигме Гьяцо (тиб. blo bzang thub bstan dbang phyug 'jigs med rgya mtsho, монг. *Лувсантүвдэнванчүгжигмэд-жамцү*³) назван 'jigs med rgya mtsho (монг. *Жигмэджамцү*).

Пятый Богдо-гэгэн Лобсанг Цультим Джигме Дамби Гьялцен (тиб. blo bzang tshul khriims 'jigs med bstan pa'i rgyal mtshan, монг. *Лувсанчүлтэмжигмэддамбийжанцан*⁴) назван tshul khriims 'jigs med (монг. *Чүлтэмжигмэд*).

Шестой Богдо-гэгэн Лобсанг Палден Чойджи Гьялцен (тиб. blo bzang bstan pa'i chos kyi rgyal mtshan, монг. *Лувсантөвдөнчойжисжалцан*⁵) назван bstan pa'i rgyal mtshan (монг. *Дамбийжалцан*).

Седьмой Богдо-гэгэн Агван Чойджи Ванчуг Принлей Гьяцо (тиб. ngag dbang chos kyi dbang phyug 'phrin las rgya mtsho, монг. *Агваанчойжинванчүгпэрэнлай-жамцү*⁶) назван chos kyi dbang phyug (монг. *Чойжинванчүг*).

На танка из буддийской коллекции Национального музея Республики Татарстан изображены только семь перерожденцев линии Богдо-гэгэнов. Следовательно, время создания этого изображения — это период жизни седьмого Богдо-гэгэна либо период после его ухода из жизни, когда восьмой Богдо-гэгэн был малолетним.

Восьмой Богдо-гэгэн Джебцун-Дамба-хутухта (1869–1924) Агван Лобсан Чойджон Нима Тензин Ванчуг (тиб. ngag dbang blo bzang chos kyi nyi ma bstan 'dzin dbang phyug, монг. *Агваанлувсанчойжиннямданзанванчүг*).

Примечательно, что три из фигур изображены в халхаских шапках, которые можно считать традиционными для иконографии Богдо-гэгэнов. Это изображения второго, четвертого и пятого Богдо-гэгэнов. Фигуры третьего, шестого и седьмого Богдо-гэгэнов на танка изображены в обычных головных уборах тибетской школы гелуг [[Gega Lama 19836: 127](#)].

Таким образом, на танка наличие головного убора «шапки Богдо-гэгэнов» выделяет второго, четвертого и пятого перерожденцев. Известно, что второй Богдо-гэгэн был монголом, родственником Дзанабадзара и представителем линии Тушэту-ханов. Четвертый (1775–1813) и пятый (1815–1841) Богдо-гэгэны также выделены в особую группу. При этом необходимо учитывать, что все перерожденцы данной линии с третьего по седьмой жили недолго, но особенно краткими периоды жизни были у третьего (1758–1773, 15 лет), шестого (1843–1848, 5 лет), седьмого (1850–1868, 18 лет) [[Кузьмин 2016: 47](#)]. В кол-

¹ Даты жизни: 1724–1757 гг. [[Кузьмин 2016: 44](#)].

² Даты жизни: 1758–1773 гг. [[Кузьмин 2016: 47](#)]. С. Л. Кузьмин приводит сведения по изданию: Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон. Улаанбаатар: Адмон, 2009. Х. 110–115.

³ Даты жизни: 1775–1813 [[Кузьмин 2016: 47](#)].

⁴ Даты жизни: 1815–1841 [[Кузьмин 2016: 47](#)].

⁵ Даты жизни: 1843–1848 [[Кузьмин 2016: 47](#)].

⁶ Даты жизни: , 1850–1868 [[Кузьмин 2016: 47](#)].

лекции Государственного Эрмитажа [Елихина 2019: 11] имеются изображения первого, четвертого, пятого и восьмого Богдо-гэгэнов, и это свидетельствует о популярности среди монголов не только первого представителя линии перерождений — Дзанабадзара и восьмого его перерожденца, ставшего Великим ханом Монголии, но и четвертого и пятого перерожденцев. Это соответствует наличию в коллекции Национального музея Республики Татарстан изображений IV и V Богдо-гэгэнов.

Так, в коллекции Национального музея Республики Татарстан имеется и другое изображение Богдо-гэгэна (инв. № КП-10366/8, размер 4,6x3,5 см), восседающего на ламском троне и имеющего традиционный головной убор Богдо-гэгэнов. В отличие от первого изображения, где у Богдо-гэгэна IV в обеих руках изображены ваджры, на данной цакли у ламы в левой руке изображен сосуд. Исходя из иконографии Богдо-гэгэнов, зафиксированной на предыдущем изображении (инв. № КП-10366/163), можно предположить, что это Богдо-гэгэн V.

Рис. 8. Цакли из коллекции Национального музея Республики Татарстан (инв. № КП-10366/8). Богдо-гэгэн V. Холст, минеральные краски
[Fig. 8. Tsakli (Tib. *tsa ka li*) picture from the National Museum of Tatarstan, inv. no. КП-10366/8. 5th Bogd Gegeen. Canvas, mineral colors]

Заклучение. Атрибуция статуэтки из Национального музея Республики Татарстан

Сопоставительный анализ изображений на танка и цагли из коллекции Национального музея Республики Татарстан и скульптуры из фондов этого музея позволяет сделать вывод о том, что анализируемая статуэтка (инв. № КП-10367/9) является изображением Богдо-гэгэна. Значимым атрибутом в этой статуэтке является головной убор ламы, характерный для халхаских Джебцзун-Дамба-хутухт (называемых в Монголии Ундур-гэгэнами), традиция ношения которого связана с Тушэту-ханами, а следовательно, акцентирует принадлежность ламы к монгольской традиции.

Для изображений первых семи Богдо-гэгэнов не характерна в качестве атрибута буддийская книга. Это позволяет сделать вывод, что анализируемая в нашей статье статуэтка изображает восьмого Богдо-гэгэна и она является ранним портретным изображением VIII халхаского Джебцзун-Дамба-хутухты. Подтверждением нашего вывода является факт наличия подобных атрибутов в изображении восьмого Богдо-гэгэна из коллекции Государственного Эрмитажа [Елихина 2019: 11].

Скульптура Богдо-гэгэна изображает его в юном возрасте и демонстрирует некоторое портретное сходство с его фотографиями в возрасте от 14 лет (рис. 9, 10). Кроме того, известно, что, хотя коллекции и №10366 и №10367 поступили в Казанский городской музей в 1919 г., но период их формирования охватывает не только время функционирования миссионерского Историко-этнографического музея Казанской духовной академии (1912–1919 гг.) [Лобачева, Хабибуллин 2012: 33; Валеев, Хабибуллин и др. 2018: 97], но и вторую половину XIX в., так как этот музей создавался на базе коллекций других подразделений академии.

Как видно, на фотографии и рисунке, как и в скульптурном изображении, Богдо-гэгэн изображен в монашеской одежде, в ламской шапке или в головном уборе, ставшем атрибутом Богдо-гэгэнов.

По мнению отдельных исследователей, впоследствии (вступив в брак) он снял монашеский сан, о чем свидетельствуют фотографии и иконописные изображения [Кузьмин 2016: 79]. При этом, будучи высокообразованным учителем, он продолжал оставаться авторитетным главой монгольского буддизма. Богдо-гэгэна почитали как живого Будду. Так, Дилова-хутухта в своей автобиографии пишет: «Когда мне было 12 лет [1896], Ар-Богдо [„живой Будда“ Урги] приехал с официальным визитом в Эрдэнэ-Дзу» [Дилова-хутухта 2018: 167], а говоря о событиях 1911 г., вновь говорит о нем: «...когда ургинский живой Будда был провозглашен великим ханом» [Дилова-хутухта 2018: 177].

В буддийском мире распространялись тексты пророчеств ургинского Джебцзун-Дамба-хутухты. «Лундэны были краткими, понятными для простого народа, вызывали религиозное почтение» [Кузьмин 2016: 81]. В Калмыкии, как и в других буддийских регионах, пророчества Джебцзун-Дамба-хутухты пользовались особым почитанием [Меняев 2015; Музраева 2012: 42]. В калмыцких коллекциях в текстах «Поучений Джебцзун-Дамба-хутухты» не указывается, какой из перерожденцев этой линии являлся автором пророчеств [Меняев 2015; Музраева 2012: 42–43]. Важно отметить то, что почитание Богдо-гэгэнов являлось характерным не только для Монголии, но и для российских буддийских

Рис. 9. Богдо-гэгэн VIII в возрасте 14 лет [Батсайхан 2018: фотоприложения (1)]
[Fig. 9. 8th Bogd Gegeen at the age of 14]

Рис. 10. Богдо-гэгэн VIII. Рисунок с фотографии [Батсайхан 2018: фотоприложения (1)]

[Fig. 10. 8th Bogd Gegeen. Photograph-based drawing]

регионов. Как отмечает С. Л. Кузьмин, духовный авторитет Богдо-гэгэнов «распространился на все монгольские народы, исповедующие буддизм. Например, в XIX в. на поклонение к Богдо-гэгэну регулярно ездили калмыки и еще чаще — сопредельные буряты <...> Богдо-гэгэн стал, фактически, третьим по значимости иерархом после Далай-ламы и Панчен-ламы в северном буддизме» [Кузьмин 2016: 47].

Уже в 1895 г. состоялась тайная миссия Богдо-гэгэна в Россию по вопросу о поддержке монголов в отделении от Цинской империи [Батсайхан 2018: 16]. «После восстановления независимости Монголии, в период с 1911 до 1919 г., международные связи страны в области буддизма расширялись согласно указам Богдо-хана» [Лонжид 2019: 91–92].

Вышеуказанное свидетельствует о том, что почитание института Богдо-гэгэнов было характерным для всех буддийских регионов проживания монголоязычных народов. На рубеже XIX–XX вв. активизировались связи с Монголией и Тибетом. Следовательно, скульптура восьмого Богдо-гэгэна являлась предметом почитания — об этом свидетельствуют и следы закладки в нее священных текстов, что является церемонией освящения буддийских статуй.

Вероятно, сама скульптура была выполнена в 1880–1890-е гг., об этом свидетельствует возраст изображенного. Использование в скульптуре частично техники исполнения из папье-маше скорее свидетельствует об ее изготовлении в Монголии, где была распространена такая традиция: известна посмертная скульптура из папье-маше супруги Богдо-гэгэна VIII [Батсайхан 2018: фото-приложения (7)].

Однако из какого буддийского региона поступила статуэтка в миссионерский Историко-этнографический музей Казанской духовной академии, определить однозначно невозможно: в конце XIX – начале XX в. контакты калмыцких и бурятских буддистов с Монголией и монгольскими иерархами были весьма активными, и статуэтка могла поступить как непосредственно из Монголии (например, известен вклад в музей побывавшего в течение двух лет в Монголии иеромонаха Амфилохия (А. Я. Скворцова), привезшего и скульптуры из дерева и папье-маше) [Валеев, Хабибуллин и др. 2018: 99], так и из Бурятии и Калмыкии, куда она могла быть привезена монахами и паломниками.

Литература

- Батсайхан 2018 — Батсайхан О. Последний великий хан Монголии БогдоДжебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 406 с.
- Батсайхан 2019 — Батсайхан О. Объективные оценки деятельности Богдо Джебцзундамба-хутухты VIII – руководителя национальной революции Монголии 1911 года // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 25: Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII — последнего великого хана монголов. М.: ИВ РАН, 2019. С. 13–61.
- Батырева 2005 — Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство XVII – начала XX века: опыт историко-культурной реконструкции М.: Наука, 2005. 153 с.
- Баянова, Сибгатуллина 2020 — Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р. Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. № 1. С. 90–104. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-10

- Валеев, Хабибуллин и др. 2018 — *Валеев Р. М., Хабибуллин М. З., Хабибуллина Г. З., Минеева М. С.* Вклад миссионерского историко-этнографического музея Казанской духовной академии в изучение и сохранение историко-культурного наследия народов России в конце XIX – начале XX веков // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. № 2. С. 90–104.
- Вербина 2013 — *Вербина О. Г.* Коллекция Николая Федоровича Катанова // Казанские коллекции коллекционеры. Казань: Заман, 2013. С. 128–135.
- Дилова-хутухта 2018 — Дилова-хутухта Монголии. Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы / пер с англ. Е. В. Гордиенко, отв. ред. рус. изд. С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг, лит. ред. рус. изд. Н. Г. Иноземцева. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2018. 352 с.
- Елихина 2019 — *Елихина Ю. И.* Образы богдо-гэгэнов из коллекции Государственного Эрмитажа // Монголоведение в Санкт-Петербурге: ретроспектива и современность. Программа. Тезисы. Международный Круглый стол (10 июня 2019 г., г. Санкт-Петербург). СПб.: [б. и.], 2019. С. 11.
- Институт Богдо-гэгэна 2019 — Труды Института востоковедения РАН. Вып. 25. Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII — последнего великого хана монголов / отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, О. Батсайхан. М.: ИВ РАН, 2019. 484 с.
- Каруева 2022 — *Каруева М. Д.* У истоков формирования «калмыцкой» коллекции Астраханского музея-заповедника // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 2. С. 104–143.
- Каруева, Куканова 2022 — *Каруева М. Д., Куканова В. В.* Буддийские коллекции Астраханского музея-заповедника как исторический источник по изучению истории и культуры калмыцкого народа // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1022–1049. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1022-1049
- Кузьмин 2019 — *Кузьмин С. Л.* Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII и преемственность великоханской власти в Монголии // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 25: Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII — последнего великого хана монголов. М.: ИВ РАН, 2019. С. 62–90.
- Кузьмин 2016 — *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с.
- Лобачева, Хабибуллин 2012 — *Лобачева Е. Э., Хабибуллин М. З.* Роль миссионерского историко-этнографического музея Казанской духовной академии в изучении истории, этнографии и языков народов России // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 32–36.
- Лонжид 2019 — *Харнууд З. Лонжид.* Некоторые нововведения монгольской власти в 1911–1919 годах, касавшиеся буддизма // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 25: Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. К 150-летию Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII — последнего великого хана монголов. М.: ИВ РАН, 2019. С. 91–120.
- Мазарчук 2017 — *Мазарчук А. В.* Общемонгольская лексика раздела «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском, калмыцком языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 94–102.
- Меняев 2015 — *Меняев Б. В.* «Поучение Джибцун Дамба хутухты»: интерпретация текста // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2 (Ч. 2) [электронный ресурс] // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22931> (дата обращения: 05.07.2022).
- Митруев 2021 — *Митруев Б. Л.* Относительно именной мантры гуру в буддизме (дата публикации 17.02.2021) [электронный ресурс] // URL: <http://savetibet.ru/2021/02/17/guru-mantra.html> (дата обращения: 01.09.2022).

- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева, науч. ред. А. А. Бурькин. Элиста: АПП «Джангар», 2012. 224 с.
- Национальный музей — Национальный музей Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <https://national-museum.kalm.muzkult.ru/news/65265326?ysclid=lckfo6ehe9875545176> (дата обращения: 01.09.2022).
- Неманова 2004 — *Неманова Э. А.* Семантика образа Белого старца в традиционной культуре монгольских народов: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 194 с.
- Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1880. 84 с.
- Сыртыпова 2020 — *Сыртыпова С. Д.* Автопортрет и Будда Ваджрасаттва у Дзанабазара // *Oriental Studies*. 2020. Т.13. № 4. С. 1045–1077. DOI: [10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077](https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077)
- Терентьев 1981 — *Терентьев А. А.* Идентификация образов в тибетской буддийской иконографии. Ч. 1. Использование музейных коллекций в критике буддизма. Л.: ГМИРиА, 1981. С. 6–120.
- Терентьев 2003 — *Терентьев А. А.* Определитель буддийских изображений. Ч. 1. СПб.: Нартанг, 2003. 304 с.
- Терентьев 2004 — *Терентьев А. А.* Определитель буддийских изображений. Ч. 2. СПб.: Нартанг, 2004. 304 с.
- Терентьев, Горовая 1987 — *Терентьев А. А., Горовая О.* Идентификация образов в тибетской буддийской иконографии. Ч. 2 // Научно-атеистические исследования в музеях. Л.: ГМИРиА, 1987. С. 107–133.
- Цултэм 1982 — *Цултэм Н.* Выдающийся монгольский скульптор Дзанабадзар. Улан-Батор: Госиздательство, 1982. 126 с.
- Gega Lama 1983a — Principles of Tibetan Art. Illustrations and explanations of Buddhist iconography and iconometry according to the Karma Gardri School by Gega Lama, master painter of the Karma Gardri School. Vol. I. Darjeellng: Jamyang Singe, 1983. 331 p.
- Gega Lama 1983b — Principles of Tibetan Art. Illustrations and explanations of Buddhist iconography and iconometry according to the Karma Gardri School by Gega Lama, master painter of the Karma Gardri School. Vol. II. Darjeellng: Jamyang Singe, 1983. 224 p.

References

- [Newsfeed. On:] Palmov National Museum of Kalmykia (website). Available at: <https://national-museum.kalm.muzkult.ru/news/65265326?ysclid=lckfo6ehe9875545176> (accessed: 1 September 2022). (In Russ.)
- Batsaikhan O. 8th Bogd Jebtsundamba Khutuktu — the Last Great Khan of Mongolia: Life and Legends. Moscow: KMK, 2018. 406 p. (In Russ.)
- Batsaikhan O. Reassessment of the activities of the 8th Bogd Jebtsundamba Khutuktu, the leader of the Mongolian national revolution of 1911. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2019. Vol. 25. Pp. 13–61. (In Russ.)
- Batyreva S. G. Old Kalmyk Art, 17th – Early 20th Centuries: A Historical/Cultural Reconstruction. Moscow: Nauka, 2005. 153 p. (In Russ.)
- Bayanova A. T., Sibgatullina R. R. State Archive of the Republic of Tatarstan, Collection 10 ('Kazan Theological Academy'): Documents Dealing with Kalmyks. *Mongolian Studies*. 2020. No. 1. Pp. 90–104. DOI: [10.22162/2500-1523-2020-1-90-104](https://doi.org/10.22162/2500-1523-2020-1-90-104)
- Bogd Gegeens in Mongolia's History: Celebrating the 150th Birthday of the 8th Bogd Gegeen Jebtsundamba Khutuktu — the Last Great Khan of Mongolia. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2019. Vol. 25. 484 p. (In Russ.)
- Gega Lama. Principles of Tibetan Art: Illustrations and Explanations of Buddhist Iconography and Iconometry according to the Karma Gardri School. Vol. 1. Darjeeling: Jamyang Singe, 1983. 331 p. (In Eng.)

- Gega Lama. Principles of Tibetan Art: Illustrations and Explanations of Buddhist Iconography and Iconometry according to the Karma Gardri School. Vol. 2. Darjeeling: Jamyang Singe, 1983. 224 p. (In Eng.)
- Jamsaranjav B. (Dilowa Khutuktu) The Diluv Khutagt of Mongolia: Political Memoirs and Autobiography of a Buddhist Reincarnation. O. Lattimore, F. Isono (comps.), E. Gordienko (transl.), etc. Moscow: Save Tibet Foundation, 2018. 352 p. (In Russ.)
- Karueva M. D. Astrakhan Reserve Museum: Origins of the ‘Kalmyk’ collection analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 104–143. (In Russ.)
- Karueva M.D., Kukanova V.V. Astrakhan Reserve Museum: Buddhist Collections as a Source for the Study of Kalmyk History and Culture. *Oriental Studies*. 2022;15(5):1022–1049. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1022-1049
- Kuzmin S. L. The 8th Bogd Gegeen Jebtsundamba Khutuktu and the succession of the Great Khan’s power in Mongolia. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2019. Vol. 25. Pp. 62–90. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Theocratic Statehood and the Buddhist Church in Mongolia in the Beginning of the 20th Century. Moscow: KMK, 2016. 496 p. (In Russ.)
- Lonjid H. Z. Some novelties from Mongolian powers in 1911–1919, related to Buddhism. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2019. Vol. 25. Pp. 91–120. (In Mong.)
- Mazarchuk A. V. Common lexis for headgears and adornments in Khalkha, Buryat, and Kalmyk. *Oriental Studies*. 2017. Vol. 10. No. 6. Pp. 94–102. (In Russ) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-94-102
- Menyaev B. V. «Precepts of the Dzhibtszun Damba Khutukhta»: Text in time and space. *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 2 (Part 2). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22931> (accessed: 5 July 2022). (In Russ.)
- Mitruiev B. L. About name mantras in Buddhism. On: Save Tibet Foundation (website). Posted on 17 February 2021. Available at: <http://savetibet.ru/2021/02/17/guru-mantra.html> (accessed: 1 September 2022). (In Russ.)
- Muzraeva D. N. Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Written Sources in Kalmykia’s Collections. E. Bakaeva, A. Burykin (eds.). Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Nemanova E. A. Semantics of the White Old Man’s Image in Traditional Mongolic Cultures. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2004. 194 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Khutuktus of Uрга: A Historical Essay on Their Past and Present Life and Activities. St. Petersburg: Panteleev Bros., 1880. 84 p. (In Russ.)
- Syrtyanova S. D. Zanabazar: Self-portrait and Buddha Vajrasattva. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 1045–1077. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-1045-1077
- Terentyev A. A. A guide to identification of the images in Tibetan Buddhist iconography. Part 1. In: Use of Museum Collections in Criticism of Buddhism. Leningrad: Museum of the History of Religion and Atheism, 1981. Pp. 6–120. (In Russ.)
- Terentyev A. A. Buddhist Iconography Identification Guide. Part 1. St. Petersburg: Narthang, 2003. 304 p. (In Russ.)
- Terentyev A. A. Buddhist Iconography Identification Guide. Part 2. St. Petersburg: Narthang, 2004. 304 p. (In Russ.)
- Terentyev A. A., Gorovaya O. A guide to identification of the images in Tibetan Buddhist iconography. Part 2. In: Museum Studies in Scientific Atheism. Leningrad: Museum of the History of Religion and Atheism, 1987. Pp. 107–133. (In Russ.)
- Tsultem N. The Eminent Mongolian Sculptor G. Zanabazar. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1982. 126 p. (In Russ.)
- Verbina O. G. The collection of Nikolay F. Katanov. In: Kazan Collections and Collectors. Kazan: Zaman, 2013. Pp. 128–135. (In Russ.)
- Yelikhina Yu. I. Images of Bogd Gegeens from the State Hermitage Museum. In: Mongolian Studies in St. Petersburg — Past and Present. Roundtable program and report abstracts (St. Petersburg, 10 June 2019). St. Petersburg, 2019. P. 11. (In Russ.)